

ТИХИЙ ЧАС

СОДЕРЖИТ

НЕ СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

КАТЕРИНА ПИДАБЕРА

Катерина Пылаева

Тихий час

«Автор»

2026

Пылаева К.

Тихий час / К. Пылаева — «Автор», 2026

Он в психушке. Он не болен. И никто не собирается его выпускать. Его единственный друг навещает его, но однажды замечает: коридоры меняют длину, звуки доносятся из стен, а в книгах, которые он приносит, появляются чужие пометки. Они начинают следить за персоналом, записывать улики и загадки, сличать даты в историях болезней. Но чем ближе они к ответу, тем чаще им кажется, что они не одни. И неизвестно, кто в этой паре опаснее — те, кто прячется в подвалах, или те, кто пишет им подсказки

© Пылаева К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Катерина Пылаева

Тихий час

Глава 1

— Тихон.. — прозвучал приглушённый, женский голос. Свинцовые веки тянуло, в висках стучало, мир окутывала мутная пелена.

—..Тиша.. — прозвучало уже ближе. Фигуры в тумане приближались, становились чётче. Перед Тихоном воспрял образ. Женщина, с короткими, немного выющимися волосами и хорошо знакомой родинкой на щеке.

—..Тиша, загадывай желание. — прозвучал низкий голос сбоку. Там сидел приятный мужчина, с лёгкой щетиной и светлыми волосами, в футболке с надписью «ROCK». Он выглядел не очень опрятно, но всегда вызывал только тёплые чувства.

— Желание.. — Тихон наклонил голову. На столе стоял маленький торт, украшенный красными цветами из крема и семью свечами, посередине была надпись «С днём рождения».

—Смерти нам пожелаешь, да? — ласково спросила мама.

—Мама! — В уголки глаз скатились аккуратные капельки слёз, но не падали.

—Если бы не ты, Тиша.. — повторяли родители. И вот отец уже обнимал мать за плечо, а фигуры пропадали в дали.

—Мама, папа! Нет, не уходите! ОСТАНЬТЕСЬ! Сердце Тихона билось как бешеное, вырывалось. Вот вот и окажется на столе, рядом с тортом. Голова гудела. Склизкий, колющий мрак забирал Тихона в свои объятия.

— Хэй Тихомир. — доносилось сквозь сон. — Ти-и-иша! — звук подбирался всё ближе. —ТИХОН! — громкий возглас заставил голову Соловьёва разбиться на части. —Соловей, вставай уже! — с нытьём в голосе толкнули парня.

Блондин нехотя открыл глаза. Перед ним снова появилась ужасная, но уже прижившаяся картина. Обшарпанные стены, некогда бывшие белыми, но уже даже самый старый санитар их такими не вспомнит. Плесень и время поглотило их свет. Тихон повернул голову. Перед ним красовалось надоевшее лицо Кузьмина Анатолия Александровича — его лечащего врача. Пациенты обычно называли его Кузьмич. Ну или Саныч. Ну или заёбливый хуй (потому что он был лысым, и без головного убора, его макушка уж очень была похожа на корень жизни). Каждый день он прерывал сладкий, или не всегда, но сон «Соловья» и докапывался с вопросами. Зачастую не связанными с его работой.

—Чего плачешь, Соловей? Снова кошмарики тебя мучают? У-у. — подурчился Анатолий, состроив дурачковую гримасу с лодочками-ушами.

—Иди нахуй. — тихо сказал Тиша, вытирая выступившие слезы. Ему очень не нравился Саныч, его бестактность и постоянное желание засунуть свой нос в большую кучу чужого говна. — «Полечи и иди куда надо, зачем заводить эти безпричинные разговоры? Я один у него что-ли?» Кузьмин неловко обвёл взглядом палату.

—Ну Там какой-то психулятор приехал. — Кузьмич сделал паузу, отслеживая реакцию на свой сногшибательный каламбур, коей не последовало. — В общем Тебе к нему нужно. Пошли. — Анатолий Саныч развернулся и пошёл к двери. Тихон, не сдвинувшись с места, провожал взглядом врача. Почти дойдя до дверей, Кузьмин развернулся в недоумении, не услышав признаки движения сзади.

—Это прям обязательно-обязательно? — лениво сказал Соловьёв, закатив глаза.

—Может тебя выпишут после этого приёма. — ухмылисто произнёс ЗХ и развернулся. Он знал, после этих слов Соловей без лишних претензий последует за ним. В глазах Тиши проскочил огонёк.

Парень послушно следовал за своим врачом, пока они не обошли всю больницу несколько раз.

—Тебе не кажется, что мы ходим кругами?

—Эээ.. Да неет.. Я просто.. гуляю.. Эмм.. Ты не..?

—Если ты хочешь спросить, знаю ли я, где его кабинет, то нет. — лицемерно перебил Тихон.

—Чёрт.

—Где вы ходите?! — слышался низкий тембр позади. Парни обернулись. В конце коридора из кабинета выглядывал толстый мужчина, лет 60-ти, с седой бородкой, в дорогом костюме и медицинском халате поверх.

—Вот видишь! Я знал, куда мы идём. — гордо кинул Кузьмич.

—Ещё бы..

Как только Тихон зашёл за порог кабинета, его лицо озарило ярким светом, как давно он этого не видел. В палатах окна закрыты старыми, когда-то бывшими простынями и халатами, тряпками. И они не просто закрывали свет — они душили саму возможность увидеть мир. Сквозь пыль и плотную ткань не проникало ни солнечного луча, ни даже призрачного отблеска надежды. Официально это объяснялось заботой о пациентах, их повышенной светочувствительностью, беспокойством, которое мог вызывать вид улицы. Но Тихон трактовал это куда более жестоко и прозаично. Эти тряпки — символ власти, железный занавес, опущенный между безумием и реальностью. Цель была проста: лишить пациентов малейшей радости, заставить их забыть о существовании иного мира, погрузить в пучину безнадежности. Чем меньше света, чем меньше красок, чем меньше надежды — тем тише и покорнее становятся безумцы. Тряпки — это не защита, а клетка, сотканная из лишений и отчаяния, призванная сломить волю и подавить остатки человеческого в тех, кто уже и так сломлен судьбой. За ними — не солнце, а могила, вырытая для разума и души.

—Приветствую, Соловьёв Тихон Данилович, 19.04.1999. Парасуицидальное поведение — поправляя очки, прочитал доктор, в небольшой синей папке истории болезни. — Присаживайтесь.

— Ой, вот Давайте только без отчества. — Сел Тихон.Внутри все дрожало. Безжалостная стальная рука сжимала грудь парня, так и норовя выжать легкие с сердцем из хрупкой клетки рёбер. Но снаружи он держал полную невозмутимость. Ну, или он так думал.

Психиатр сидел на чёрном кожаном кресле, через стол от Тихона, положив ногу на ногу.

— Меня зовут Анатолий Геннадьевич, я ваш новый лечащий врач психиатр. — гортанно и причмокивая начал мужичок преклонных лет. «Новый... Быстро они. Прошлый скончался буквально неделю назад. Несчастный случай, кажется. Очень жаль, ведь он только начал всем нравиться. Благодаря ему много пациентов шли на поправку. Его лечение работало и все уже грезили свободной жизнью во вне.»

— Я ознакомился с вашей историей болезни, правда тут мало про ваше детство. Написано лишь что вы наносите сами себе увечия, так же про вашу депрессию, попытки самоубийства, безоглядочную агрессию и тд и тп. Предыстории я не нашёл. Вы бы не могли со мной поделиться?

— Это сложно. Вы мне не поверите.

— А вы меня заставьте.

«А я будто ещё не пытался.» С тяжёлым вздохом, Тихон приготовился к долгому рассказу. Который раз он уже рассказывает эту историю. И с каждым разом сжимающая сердце, сжирающая, мрачная боль, не становилась меньше. Соловей начал.

19 апреля. 2005 год.

Весна уже во всю пробиралась, в промерзший, забывший о тепле, после полугодовой русской зимы, город. На деревьях во всю пробивались листья, дабы почувствовать первое, **тёплое** солнце. Тихон открыл глаза. Детство. Оно. Любимое и беззаботное. Снова он здесь. Сегодня его день рождения. Год, когда все еще было хорошо. Сердце забило быстрее, и мальчик, позабыв про сонливость, скинул одеяло и босыми ногами ступил на прохладный деревянный пол. Каждый звук, каждый оттенок цвета казался ему невероятно важным, словно он пытался запомнить каждую деталь этого момента, чтобы навсегда сохранить его в своей памяти. Он медленно вышел из комнаты, прислушиваясь к тихим звукам, доносящимся с кухни. Там, за приоткрытой дверью, царила особая, ни с чем не сравнимая атмосфера. Тихий шелест газет, приглушенный разговор, позвякивание посуды — все это сливалось в единую, знакомую с детства мелодию. На кухне, залитой утренним светом, хлопотали его родители. Отец читал газету, попивая кофе, а мать, в уютном домашнем халате, колдовала над плитой. Лица их светились радостью и любовью, адресованной ему, их сыну. Он замер в дверях, словно боясь разрушить эту идиллию. Это был его день рождения, его прошлое, его утраченное счастье. И сейчас, здесь, он снова был окружен любовью и заботой, теплом и уютом.

Поздравления. Торт. Подарки. И вот они уже едут в зоопарк, на папиной, ярко-красной машине. Марку Тихон не знал. Он даже не знал что такое марки. Знал только, что папа каждые две недели ездит мыться, что дверей у машины четыре, а потолок, низкий, о который каждый раз, вылезая из автомобиля бился папа, на что Тиша заливался смехом. Водителем папа был отличным. Самым лучшим! Тихон это прекрасно знал. Все знали. И отцом он был не хуже. Мальчик на заднем сиденьи никому не давал покоя. Папа покорно отвечал на все его детские, пробудившиеся возбуждением от праздника, вопросы, и сам разбавлял диалог историями из жизни и новостями, одна из которых взбудоражила Тихона еще сильнее. Дядя Андрей, сосед, недавно ездивший по той же самой дороге на дачу, сказал папе об обилии лесных животных, выбегающих погреться на солнце, и от тепла трассы, у лесополосы. После этой новости, отвернуться от окна, Тихону не представлялось возможным. Он, как настоящий хищник, высматривал у леса лосей, зайцев, белок и лис. Последнее, злополучное животное, все таки обрадовало взор Тихона. Бегущая вдоль трассы рыжая плутовка заставила, маленькое, сдерживающее голос и любые активности (уже продолжительное время), тело мальчика просто взорваться. Подпрыгнув с места, и, как папа, ударившись головой о предельно низкий потолок красной машины, Тихон закричал «Лиса!». Сразу схватившись за больное место, удар был не слабым.

— Ай.. Папа там лиса, смотри в окне! ..Ммм больно.. — на глазах Тихона навернулись слезы боли. Но он не сдавался, дергая папу и крича о рыжей причине кипиша на борту. И на глухой звук удара о крышу папа обернулся, и на лису он обернулся тоже, сразу после. Расстраивать именинника игнорированием папа не мог.

Но. Любование фауной прервал громкий гудок фуры, скрежет шин, крик мамы. Одно мгновение, лишь одно, не больше, и жизнь маленького Тихона уже никогда не будет прежней. Не понятно, что точно там случилось, то-ли водитель объезжал выбежавшее на дорожку животное, то-ли яму, и не уследив за управлением, оказался на встречной полосе.

Но было понятно, что как раньше уже не будет. Тихон смотрел на то, как окровавленные тела его родителей, будто мешки, доставали из перевернутой, разбитой, машины спасатели. Тихон даже не мог выдать тяжелое «Мама», смотря, как абсолютно лишенная жизни рука, ловит под собой острие разбитого стекла, от куда сразу ринулась густая, темно-красная жидкость.

— В живых остались только вы, Тихомир?

— Верно. Конечно я бы предпочел валяться там вместо них. Окровавленный, и чтоб каждая моя кость была сломана в нескольких местах. Но судьба распорядилась иначе. Я был бы рад если бы я был нем от рождения, парализован, или сразу мертв.

— Считаете, вы виновны в их смерти?

— А кто еще? — Тихон поднял глаза, злые, грустные глаза. Рот скривился в такой же злой ухмылке.

— Я уверен, что если бы не я, папа бы смог вырулить. Если бы не я, они бы вообще не ехали по этой дороге в тот день. 19 апреля.

— Понял Я очень сочувствую вашей потере Тихомир. Теперь мне ясно почему вы причиняете себе боль, и останется нам только разобраться с этим

— Боль.. что? Ничего я себе не-.. боже. Это не конец, послушайте дальше.

Холод кожаного диванчика пронзил нежную детскую кожу. Мальчик открыл глаза. Нога гудела от боли, тело дрожало, то-ли от холода, то-ли от страха, может все вместе. В голове туманно проносились воспоминания о недавних событиях. Машина, больница, сломанная нога, незнакомые люди, задающие непонятные вопросы, до которых Тихону не было дела.

Кладбище. Могила родителей. А теперь он тут. Детский дом.

Маленький, худой, до жути померкший Тихон, переступал порог своей новой жизни. В ней больше не будет тепла. В ней не будет любви, заботы. В ней ничего не будет. Он и жизнью это больше не назовет.

Холодная, невкусная еда. Твердые, такие же холодные матрасы, пахнувшие старостью, и чем то мокрым. И дети. Ох уж эти дети. Что нужно чтобы вас ненавидели дети? Быть не таким как все. А после всего, что случилось, это было самым невозможным. Среди ребят, хулиганов, баловак и задир, которые никогда и не видели своих родителей, не знали тепла и безусловной любви, мальчик — **потерявший**, отчужденный. Кто может быть лучшим объектом для издевательств? Его не принимали. Смеялись и дразнили, унижали, били. Все. Кроме него.

От него отказались когда ему было 8. Он не рассказывал почему. И почему он не издевался над Тихоном, хотя, вроде, был таким же как все.

— Я Андрей. Будем дружить?

— Что ты хочешь..? — взглянув исподлобья, пробубнил Тишка.

— Дружить. Крутая футболка кстати, я тоже люблю Гарри Поттера.

—Кого?..

Так все и началось. Андрей. Луч света, да. Они провели неплохие 8 лет вместе. Пока Андрея не взяла одна очень милая семья. Правда верующая до чертиков. Но никого это не смущало, даже хорошо. А Тихон..

За Тихоном вскоре объявилась его давно богом забытая тетя. Почему ее не было раньше? Она очень долгое время вела разгульный образ жизни. Алкоголь, мужчины, была без определенного места жительства и т.д. Но спустя 8 лет, она явилась на порог детского дома «Радуга», в красивом красном платье в пол, и шубе. Выглядела адекватно, органы опеки проверили жилищно-бытовые условия, так же она была в браке уже два года, и вроде бы все прекрасно. Но попав к ней все оказалось не так солнечно. Первое время все было хорошо, но тетя снова запила. Тихону времени уделяли мало, забывали кормить, а иногда, когда уж очень злая, она возвращалась домой, его и били. Зачем она вообще его взяла, если, как по ее словам, он мешал ей жить!?

Муж. Хороший, любящий, теплый. Конечно он хотел семью и детей, но последнее она ему дать не смогла. Бесплодна. Малышей из детского дома им не давали, работы у нее нет, да и судима. Но племянника — пожалуйста, забирайте. Хоть что-то. К сожалению, через два года пыток, ей это в край осточертело. Да и муж от нее ушел к другой, что еще больше обрушило гнев на Тихона.

А что делать? Обратно в детский дом не сдашь — не комильфо. И этой большого ума даме, пришла гениальная идея.

Одним декабрьским утром Тихону ворвались в комнату.

— Вот этого, гражданочка?

— Да-да! Вяжите его быстрее. А то сбежит! — кричала тетя, стоя в халате в проеме.

— Что.. что происходит? — Тихон разевал глаза, не понимая присутствия двух взрослых мужчин в его комнате в 8 утра.

— Особо буйный значит. Михалыч! Транквилизатор при себе.

Мужчины взяли Тихона под руки. Мальчик естественно сопротивлялся, чем только подпитал выстроенную вокруг сказку.

— Да, он себя бьет! И режет!! Я уже не знаю что с ним делать. Страшно, доктор! Страшно! — доносилось из двери. Психиатрическая лечебница. Как понял Тихон.

Объяснять и доказывать кому-то что-то было бесполезно. Темное прошлое, синяки по всему телу. У него были связаны руки и заклеен рот. Не поспоришь. И вот

— Так вы оказались здесь.

— Так я оказался здесь. Да. Интересная история?

— Весьма весьма. Что ж, большое спасибо, и, до свидания.

— Что? Вы больше ничего не скажете?!

— Мне нужно обдумать все, что вы сказали, опросить санитаров. К сожалению, на этом на сегодня все, Тихон.

— Ну зашибись. — Тихон встал со скрипучего стула, развернулся и громко хлопнув дверью вышел с кабинета.

Потраченного времени жаль. А что поделать. Тем более, с минуты на минуту его должны были навестить. Так что оно и к лучшему. Антон вернулся в палату. Она встретила Тихона запахом хлорки, в который уже впитался сладковатый, лекарственный дух страха. Он лег на койку, уставившись в потолок с потрескавшейся штукатуркой, и слушал. Слушал отдаленные шаги в коридоре, скрип двери, приглушенные голоса дежурного брата — любой звук, который мог бы оказаться вестником.

Сегодня был двадцатое число. Четный день. День Андрея.

Мысль эта горела в нем единственной ясной звездой в мутном потоке больничного времени. Все остальное было серо и растяжимо: завтрак, обед, ужин, визиты врачей, тихий ужас от прикосновения к каше, которую он не выносил. Комковатой, склизкой, пахнущей старым котлом. Она стояла на тумбочке, уже остывшая. Завтрак был битвой, и сегодня он дал себе слово ее выиграть. Потому что должен был прийти Андрей. Андрей с его домашней едой, которую тот приносил ему по каждому четному дню календаря, в дни посещений. Он принесет сырники, в маленьком квадратном контейнере с ручками. А может блины, или так излюбленные Тихоном оладьи. И лицо его будет румяным от ветра, а в глазах та самая, другая жизнь, за стенами. Он разложит все на тумбочке, доставая, как фокусник, сверток с домашними булочками, кусок черного хлеба, аккуратно завернутый в салфетку.

— Ну что, Тих, как ты? — спросит он своим низким, спокойным голосом, и Тихон впервые за день почувствует, что его существование не абстракция, занесенная в историю болезни, а что-то реальное, значимое для другого человека.

Но Андрея все нет. Шаги в коридоре учащались и затихали. Чьи-то быстрые, чеканные — санитарки. Чьи-то шаркающие, неуверенные — пациента из соседней палаты. Тихон поворачивал голову к двери каждый раз, когда мимо проходила чья-то тень, задерживая дыхание. Тень удлинялась, скользила по порогу и уходила дальше. Не он. Соловей посмотрел на часы, висевшие напротив. Больничные, белые, с крупными черными цифрами. Стрелка поползла до одиннадцати. Прием у психиатра обычно заканчивался к десяти. Андрей никогда не опазды-

вал дольше, чем на двадцать минут. Он улыбаясь говорил: «Там опять пробка, ох уж эти понедельники».

Прошло уже сорок.

Тихон перевернулся на бок, спиной к двери. Может, не стоит показывать свое нетерпение? Сделать вид, что он отвлекся, что ждал не особенно усердно. Чтобы, когда Андрей войдет, он мог обернуться с легким, почти небрежным удивлением: «А, это ты». Он сжал край простыни. Нет, это глупо. Он снова повернулся, уставившись на щель между дверью и косяком.

И вот они. Шаги. Топ-топ-топ. К двери подошли. Круглая облезшая ручка повернулась и..

В палату вошел Кузьмин. Тихон аж подскочил с кровати, но лысая голова расстроила его как никогда.

— Тихон, что с едой? Нельзя голодать. — Он ткнул пальцем в сторону каши.

— Отьебись. — отрезал парень, свалившись обратно в промятое ложе.

— Грубо. Тебе тут кое-что пришло.

— Я ничего не жду! Свали! — Тихона пробирал гнев. Он взял из под себя подушку и с силой метнул в сторону мед-брата. Дверь закрылась.

А вдруг? Вдруг что-то случилось? Авария. Сердце. Что-то страшное, неотвратимое. Мир за стенами больницы был полон таких внезапных катастроф. Может, Андрей лежит где-то, как и он, ждет помощи, а ему никто не помогает?

Он сел, схватившись за голову. Паника. Липкая и знакомая, подползала к горлу. Он пытался отогнать эти мысли, как назойливых мух. Нет, он просто задержался. Пробки. Очередь в магазине. Да, наверняка очередь.

Тихон снова лег. Время перестало двигаться. Оно застыло, густое и тягучее, как та самая ненавистная каша. Он смотрел на потолок, на ту трещину. Она была похожа на кривую, недоуменную улыбку.

Может, его вообще больше нет? Не в мире, а.. в его мире. Может, Андрей устал? Устал от этих походов в психушку, от этого вечного запаха отчаяния? Может, он решил, что проще? Проще жить, не оглядываясь на календарь, не готовя еду в контейнер, не встречаясь с взглядом мед-братьев, полным молчаливого вопроса: «И долго это еще продлится?»

Эта мысль была страшнее всех катастроф. Она была тихой, разумной и неотвратимой.

Тихон закрыл глаза. Он больше не слушал шаги. Он просто лежал, чувствуя, как холод от пластиковой спинки койки просачивается сквозь тонкий матрас. Он представлял тот контейнер. Теплый, тяжелый. А за окном начало смеркаться. Часы посещения уже закончились, и в следующий раз, если он конечно будет, он сможет увидеть друга только после-завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.